

§ 5 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

Саврыга К.П.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ И СЕЦЕССИЯ КРЫМА

Аннотация: *Международный украинский кризис, который начался в феврале 2014 года, имеет несколько составляющих, в первую очередь это вооруженный конфликт на территории ряда восточных областей Украины и сецессия Республики Крым из состава Украины и ее последующее присоединение к Российской Федерации. В данной статье мы сначала рассмотрим вопрос о возможных международно-правовых квалификациях вооруженного конфликта на территории Донецкой и Луганской областей Украины, а затем рассмотрим вопрос о возможных основаниях выхода Крыма из состава Украины. В завершении, приняв за основу официальную точку зрения Украинского правительства, мы попытаемся выяснить какие методы юридической защиты Украина может получить в рамках текущей системы международного права. Для выполнения данной задачи, автором были рассмотрены судебные решения различных международных судебных инстанций, а также практика государств в отношении признания правительств. В результате автор приходит к выводу, что конфликт на Юго-востоке Украины может иметь международный характер независимо от непосредственного участия военнослужащих Российской Федерации. В отношении сецессии Крыма, автор приходит к выводу, что признание правомерности его независимости в конкретных обстоятельствах зависит от вопроса признания правительства, который является скорее политическим нежели юридическим вопросом. В последней части статьи, приняв за основу самый худший вариант развития событий, автор приходит к выводу, что даже в случае наличия международного вооруженного конфликта и акта агрессии со стороны Российской Федерации современное международное право не предоставляет эффективных средств защиты пострадавшему государству.*

Ключевые слова: *Украинский кризис, конфликт на Украине, Крымский кризис, вооруженный конфликт, одностороннее объявление независимости, право на самоопределение, ответственность государства, признание правительства, акт агрессии, международное право.*

Abstract: *The international Ukrainian crisis, which started in February of 2014, consists of several components; first of all, it is an armed conflict on the territory of a number of eastern regions of Ukraine, and secession of the Republic of Crimea from Ukraine and its subsequent annexation to the Russian Federation. This article examines the questions of possible international legal qualifications of armed conflicts on the territories of Donetsk and Luhansk regions of Ukraine, as well as the issue of possible grounds for Crimean secession from Ukraine. And finally, basing on the official point of view of Ukrainian government, we will attempt to determine which methods of legal defense Ukraine can receive within the framework of the current system of international law. As a result, the author concludes that the conflict in the southeast of Ukraine can represent an international character regardless of direct involvement of members of the Russian armed forces. As to the secession of Crimea, the author concludes that acknowledgement of the legality of its independence under the current circumstances depends on acknowledgement of the government, which is more of a political rather than legal issue. Even in the case of confirmed international armed conflict and act of aggression from the Russian Federation, the modern international law does not contain effective means of protection of the victim country.*

Keywords: *Recognition of government, state responsibility, right to self-determination, unilateral declaration of independence, armed conflict, Crimean crisis, Armed conflict in Ukraine, Ukrainian crisis, act of aggression, international law.*

Вооруженный конфликт на юго-востоке Украины.

Вооруженный конфликт немеждународного характера

Один из аспектов восприятия ситуации как вооруженного конфликта – уровень насилия.

В случае с немеждународными вооруженными конфликтами главное отделить вооруженный конфликт от просто неподчинения органам власти и правопорядка, бунтов, гражданских неповиновений, т.е. те ситуации, с которыми государство в состоянии справиться, не привлекая вооруженные силы или военные методы воздействия. Это выражается также в критерии «длительного вооруженного насилия», который был сформулирован ICTY[45,para.70][48,para.184], а затем подтверждается как ICTR[40,para.619] и в Международном уголовном суде (статья 8(2)(f) Статута). Однако, необходимо отметить, что даны критерий не закреплен в Конвенциях и Протоколах, а следовательно не может являться обязательным элементом[39,р.6]. В связи с чем, нам кажется убедительным мнение Межамериканской комиссии, которая постановила, что даже отдельные акты насилия могут требовать применения норм международного гуманитарного права, так как уровень насилия, милитаризованность участников могут этого требовать[33,para.155].

Вторым важным критерием, для определения ситуации как вооруженного конфликта это состав участников, а также в случае с вооруженным конфликтом немеждународного характера еще и территория, так как это влияет на правовой режим указанного конфликта. Так регулирование вооруженных конфликтов немеждународного характера изложено в общей статье 3 Женевских конвенций и во Втором дополнительном протоколе к ним.

Статья 3 и Дополнительный протокол II были разработаны с целью регулирования гражданской войны и других ситуаций немеждународного насилия переступающие границу вооруженного конфликта. Ясно, что они в основном относятся к внутренним конфликтам, происходящих в пределах территориальных границ государства. Применимость Дополнительного протокола II даже четко ограничивается немеждународным вооруженным конфликтом, происходящим на территории какого-либо государства между своими вооруженными силами и негосударственными акторами. Другими словами, Дополнительный протокол II не применяется, когда правительственные вооруженные силы противостоят негосударственным акторам исключительно за пределами

их собственной территории или когда в вооруженном конфликте не участвуют правительственные силы. Это означает, что в отличие от статьи 3[69,para.4453], не все случаи немеждународного вооруженного конфликта охвачены Дополнительным протоколом II.

Статья 3 более свободно говорит о «вооруженном конфликте, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон». Оно не требует, чтобы вооруженные силы государства участвовали в конфликте, ни того, что любая из сторон в конфликте была политически связана с этим государством, на территории которого противостояние происходит. Хотя статья 3 в первую очередь была адресована, для решения внутренних и колониальных проблем, ничего в подготовительных документах к этому положению не означает, что его формулировка была выбрана таким образом, чтобы исключить немеждународные вооруженные конфликты с участием на территории более чем одного государства, так, несмотря на то, что изначально более широкая формулировка, которая предусматривала свое действие на территории одной или нескольких договаривающихся сторон[16,р.121], но в тоже самое время, она включала в себя положения о полном применении Конвенций в некоторых ситуациях, в связи и с чем, после изменения формулировки, делегатом, участвовавшим в разработке было подтверждено, что единственной целью переформулирования статьи была необходимость избежать предоставления статуса комбатанта неправительственной стороне[16,Р.336][16,Р.333]. Таким образом, формулировка статьи 3, говорит нам лишь о том, что немеждународный вооруженный конфликт должен происходить на территории одного или нескольких государств, которые являются сторонами Конвенции.

Таким образом, мы можем констатировать, что необходимый порог насилия, несомненно, был достигнут во время конфликта между вооруженными силами Украины и отрядами ополченцев самопровозглашенных республик. А территориальное расположение конфликта ставит его под регулирование Второго дополнительного протокола, который предоставляет больше защиты чем общая статья 3. Данная точка зрения является на сегодняшний день доминирующей[86,с.16-30][32].

Вооруженный конфликт международного характера

Однако, официальная украинская точка зрения настаивает на том, что Украина находится в состоянии международного вооруженного конфликта с Российской

Федераций, этой точки зрения придерживается также ряд международных организаций[1] и государств[77]. В данной части нашей статьи мы разберем возможные варианты, а так же предпосылки, необходимые для их осуществления.

Так наиболее простым способом квалифицировать конфликт на юго-востоке Украины как международный, было бы участие в нем регулярных частей вооруженных сил Российской Федерации. Однако, это вариант не находит однозначного подтверждения и имеет в экспертных кругах как сторонников[77], так и противников[59], и на наш взгляд признание или не признание такого факта является скорее политическим вопросом, нежели вопросом факта, так что мы считаем необходимым рассмотреть иные варианты.

Для того, что бы начать международный вооруженный конфликт необходимо, что бы насилие, которое одна сторона применяет по отношению к другой достигло бы определенного уровня. Конечно, требования к началу международного вооруженного конфликта, в плане необходимо уровня насилия существенно ниже, чем к немеждународному, однако, далеко не каждая ситуация, имеющая насильственный характер может быть квалифицирована как вооруженный конфликт[63,р.44].

Вопрос об уровне необходимого насилия не стоит путать с вредом от атаки, который может вызвать право на самооборону у государства. Хотя, такие акты рассматриваются как оправдание на использование военной силы и как следовательно применения норм гуманитарного права.

Очевидно, что уровень насилия, необходимый для начала вооруженного конфликта был достигнут, но другие требования к международным вооруженным конфликтам так же должны быть выполнены, однако, классическая формулировка международного вооруженного конфликта предусматривает, что сторонами конфликта являются государства. Т.е. даже если рассматривать такие понятия как «новая форма военных конфликтов»[22,р.330] «неконвенциональная война»[71,р.197.] или такой новый термин как «гибридная война»[92,с.41-48], то все равно они не могут быть признаны международным конфликтом, с негосударственным актором(ЛНР-ДНР) на другой стороне, который хоть и пользуется политической поддержкой, но не составляет часть вооруженных сил или иного аппарата государства.

Однако, международный вооруженный конфликт все еще возможен, если действия указанных акторов могут быть атрибутированы Российской Федерации [80,р.151].

Так Роув утверждает, что после атаки 11 сентября, начался военный конфликт, сторонами которого были США и Афганистан[66,р.312]. Сложно не согласиться, что конфликт между Коалицией и Афганистаном был международным вооруженным конфликтом, который длился с 7 октября 2001 года, т.е. с момента начала интервенции[2,р.65][80,р.157][61,р.44]. Однако, начался ли он с момента атаки 11 сентября? Если вооруженная атака, пересекающая количественную и качественную границу для начала военного конфликта, совершенная негосударственным актором, может быть атрибутирована государству, то возникает военный конфликт между государством жертвой и государством «террористом»[13,р.919][63,р.45][66,р.312][68,р.314-417]. При этом, для начала конфликта, государстве жертве даже не нужно предпринимать ответные меры против «террористов», международный вооруженный конфликт стартует с момента самой атаки[42,para.84][46,para.75-76][41,para.66]. Таким образом, вопрос о том, приведет ли атака негосударственного актора к международному вооруженному конфликту целиком и полностью зависит от вопроса государственной ответственности[79,р.270].

Атрибуция действия негосударственных акторов государству

В качестве первой и наиболее простой формы для атрибуции действий вооруженных сил самопровозглашенных республик Российской Федерации было бы их признание частью вооруженных сил, а именно добровольческими формированиями, так подобный подход ранее высказывался для оправдания атрибуции действий Аль-Каиды Афганистану [2,р.66]. Учитывая тот факт, что Российская Федерация всячески отрицает всякий контроль, и как следовательно принадлежность вооруженных формирований Российской Федерации, то весьма сомнительно, что будет выполнен критерий принадлежности. Но самое главное, статья 4 посвящена вопросу о статусе военнопленного, т.е. она относится к лицам, воюющим на стороне регулярных вооруженных сил в *уже идущем* международном вооруженном конфликте. Т.е. это подразумевает, что такие формирования сами по себе не могут стать причиной начала международного вооруженного конфликта, так как тест на начало военного конфликта изложен в статье 2 Конвенций и лишь после того, как он будет выполнен можно говорить о статусе вооруженных сил в конфликте[59,р.466].

Однако, государства хоть и ответственны за действия своих органов, но в то же самое время е могут нести ответственность за действия частных лиц или

их групп, которые просто организуются на его территории или за ее пределами [36,р.18][36,р.449-551]. Но в тоже самое время, при определенных обстоятельствах, действия таких лиц могут быть атрибутированы государству, если они будут признаны его *de facto* органами.

Так в *Nicaragua*[37] Международный суд рассматривал вопрос исключительно об ответственности государства. Так Суд решил, что действия должностных лиц государства однозначно атрибутируются государству, т.е. полет военных летчиков на территории Никарагуа, вызвал ответственность США[37,р.52-53]. Во вторых, на основании теста «эффективного контроля» Суд признал, что действия, совершенные неизвестными, которые фигурировали в отчетах ЦРУ как *Unilaterally controlled Latino Assets*, должны быть атрибутированы США. Так данные лица выполняли задачи по минированию трубопроводов и иных объектов инфраструктуры[37,р.45].Так UCLA финансировались правительством США, в их тренировке участвовали агенты ЦРУ, более того, все их действия совершались под их надзором[37,р.48]. Более того, часть актов была атрибутирована США, так как их агенты участвовали в планировании и непосредственном исполнении таких операций вместе с UCLA[37,р.62-65].

Касаемо повстанцев (Контрас), которые вели военные действия против правительственных войск Никарагуа с территории Гондураса и Коста-Рики, суд принял несколько иное решение. Так он признал зависимость Контрас от правительства США, в части финансирования и снабжения, т.е. США осуществляли на Контрас определенную степень контроля. Но она оказалась недостаточной, что бы произвести атрибуцию их действий США[37,р.65].

Правило «эффективного контроля» так же закреплено в Проекте статей о государственной ответственности [5,р.41]. Такой же принцип был использован Международным трибуналом по бывшей Югославии в деле *Tadic*[43,para.584-588], однако, позже оно было пересмотрено в пользу критерия общего контроля[44,р.274-276], который был высказан в особом мнении при вынесении первого решения судьей МакДугал.

В *Tadic* ICTY суд рассматривал вопрос о том, был ли конфликт на территории бывшей Югославии международным или он носил немеждународный характер. Т.к. от этого зависело, сможет ли трибунал рассматривать вопрос о грубых нарушениях Женевских Конвенций[45,para.79-80]. Так для решения указанного вопроса, Суду предлагалось определить, действова-

ли ли боснийские сербы от лица иного государства, а именно Федеративной республики Югославии. Следственная палата в своем решении пришла к выводу, что боснийские сербы не находились под эффективным контролем Югославии после того, как Югославия официально вывела свои войска с территории Боснии и Герцеговины. Т.е. конфликт должен был быть рассмотрен как имеющий не международный характер и жертвы *Tadic* могли воспользоваться лишь низким уровнем защиты, который предоставляла статья 3 Конвенций, а не уровнем защиты покровительствуемых лиц, который предоставляется Четвертой Женевской конвенцией[43,para.607-608].

Но, Апелляционная палата пришла к другому решению, она обратилась к выводам Ирано-американского трибунала, Европейского суда по правам человека и судебной практики национальных судов[42,para.124-130] и пришла к выводу, что международное право для разных ситуаций предлагает разные тесты. Так согласно выводам Суда, разный уровень контроля необходим для установления ответственности за действия вооруженных сил и индивидов[42,para.137]. Так в первую очередь ICTY признал правоту теста *Nicaragua* в отношении UCLA:

«когда необходим ответ на вопрос, является ли *индивид* или группа, которая *не организована по военному принципу* де-факто государственным органом при выполнении конкретного действия, необходимо выяснить, были ли конкретные инструкции, относящиеся к совершению этого деяния выданы этим государством для индивида или группы; альтернативно, должно быть установлено, было ли противоправное деяние публично подтверждено или одобрены *постфактум* государством»[42,para.137].

Таким образом ICTY соглашается с тем, что атрибуция действий таких индивидов или групп индивидов должна происходить по правилам *Nicaragua*[37,para.86] или *Tehran hostages*[38,para.73-74]. В тоже самое время Апелляционная палата выработала иной подход для «вооруженных сил или вооруженных формирований». Так здесь Суд отверг критерии «эффективного контроля» и применил разработанный им критерий «общего контроля»:

«Однако, контроль со стороны государства над подчиненными ему *вооруженными силами или вооруженными формированиями или военизированными формированиями* может быть общего характера (и должен включать больше, чем просто предоставление финансовой помощи или военного оборудования или обучения)...играет важную роль в *организации, коор-*

динации или планировании военных действий военной группы...»[42,para.137].

Конечно задачи Суда в делах *Nicaragua* и *Tadic* были различны. Так Международному суду необходимо было решить вопрос о том. Является ли государство ответственным за действия негосударственных акторов. В тоже самое время, ИСТУ не поднимал вопрос о государственной ответственности, а рассматривал вопрос о том, влияет ли общее вовлечение государство в конфликт на его квалификацию в качестве международного военного конфликта. Что дает некоторый повод для дискуссии о соотношений этих двух решений[10,р.249], вплоть до их противоречивости[84,с.84]. Так Мегон утверждает, что Международный суд решал лишь вопрос о государственной ответственности и странно было бы применять указанный тест к вопросу о вовлечении государства в международный конфликт. Так как применение теста *Nicaragua* в деле *Tadic* привело бы к его искусственному характеру и внутренней противоречивости[53,р.237].

Однако, в тоже самое время были высказаны мнения, что тесты в *Nicaragua* и *Tadic* разные и призваны решать разные задачи, так если Международный суд решает более специфическую задачу, то ИСТУ более общую, таким образом, конфликт между указанными двумя решениями не более чем выдуман[79,р.279]. Международный суд обратился к этому вопросу в *Genocide case*:

«логика не требует что бы идентичные тесты были использованы для решения разных вопросов: степень и характер участия государства в вооруженном конфликте на территории другого государства, которое требуется для конфликта можно охарактеризовать как международный, может очень хорошо, и без логического несоответствия, отличаться от степени и характера участия в процессе возникновения ответственности этого государства для конкретного деяния, совершенного в ходе конфликта»[35,para.405].

Таким образом, Суд не только отличил дело *Tadic* от вопроса об ответственности государства, но и более того, признал что тест «общего контроля» может быть применен для определенных вопросов:

«Таким образом, тест «общего контроля» может быть применен для определения является ли международный конфликт международным или носит немеждународный характер, который был единственным вопросом, разрешаемым Апелляционной палатой в дано деле. И в данном деле он может быть применим и удобен»[35,para.404].

Таким образом, мы можем заключить, что общий контроль над милитаризованными формированиями является достаточным для того, что бы установить вовлеченность государства в международный вооруженный конфликт. Т.е. он может быть распространен не только на ситуации, когда уже идущий вооруженный конфликт немеждународного характера меняет свою квалификацию, но и когда сам конфликт был начал действиями негосударственного актора.

В деле *Tehran Hostages* международный суд рассмотрел вопрос о государственной ответственности. В деле частные лица напали на американское посольство и данные деяния не могли быть напрямую атрибутированы государству[38,para.58]. Однако, Иран не только был признан ответственным за нарушение обязательств по обеспечению безопасности посольства, но и был признан ответственным за его оккупацию, так как данный акт был одобрен правительством Ирана[38,para.58] и тем самым имел обратный эффект[76,р.42-44]. Так Суд четко отграничивает первую и вторую часть решения, а именно Иран был признан ответственным за оккупацию зданий посольства не самим фактом неисполнения своих обязательств должной осмотрительности, но в результате последующего одобрения произошедших событий, так «тот факт, что Аятолла Хомейни и иные органы Иранского государства поддерживали указанные действия и призывали продолжить их, стал основанием для ответственности государства»[38,para.74]. Так, согласно Суду, это создает отдельное основание для ответственности государства, которое необходимо отделять от простого бездействия[38,para.77]. Таким образом, мы можем констатировать, что сам по себе факт простого бездействия государства хоть и влечет к го ответственности за нарушение обязательств, но не ведет к атрибуции указанных актов государству, а значит и не приводит началу международного вооруженного конфликта.

Таким образом, для квалификации вооруженного конфликта на юго-востоке Украины как международного, необходимо что бы Российская Федерация осуществляла эффективный контроль над вооруженными силами самопровозглашенных республик, более того, этот контроль должен приходиться именно на то время, когда они совершают акты, которые могут привести к вооруженному конфликту. Однако вероятность того, что влияние Российской Федерации на самопровозглашенные республики будет удовлетворять данному критерию вызывает обоснованные сомнения в том числе у западных авторов, по крайней мере с точки

зрения доказывания такого контроля[57]. Касаемо нарушения обязательств должной осмотрительности, можно сказать, что действия РФ, которая не препятствует потоку добровольцев на территорию Украины и даже по некоторым источникам спонсирует и снабжает их[23], это может нарушать Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН[85], однако, даже в этом случае такие действия не образуют вооруженного нападения, как оно определено в *Nicaragua*.

Другой же тест, который был изложен в деле *Tadic*, дает более легкий путь для квалификация конфликта в качестве международного, и согласно мнению многих экспертов он является наиболее действенным, так как общая поддержка самопровозглашенных республик со стороны Российской Федерации является практически общепризнанной[78][73,р.2-4][21,р.42][60]. Однако необходимо отметить, что тест, выработанный в данном деле, носил скорее гуманитарный характер, так как основной вопрос, рассматриваемый в данном случае, был о статусе гражданских лиц и применимости Четвертой Женевской Конвенции. Так несмотря на то, что по мнению Суда в деле *Delalic* международное право отдает гражданина во власть государства его национальной принадлежности, статья 4 «должна трактоваться как можно широко»[48,para.262]. Так как применять критерий гражданства в ситуации происходящей войны по этническому признаку на территории бывшей Югославии шло бы в разрез с требованиями норм прав человека и гуманности, которые имеют своей целью защитить человека от его собственного государства[48,para.265]. Так Суд постановил: «Суть конфликта, происходящего на территории Боснии и Герцеговины была явно не того характера, который могли предугадать авторы ЖК 4. В связи с необходимостью соблюдения духа Конвенции, необходимо будет применить адаптированный подход к определению статуса лиц»[48,para.265].

Апелляционная палата отвергла аргумент, что решение является «судебным правотворчеством и переписыванием Женевских Конвенций»[50,para.73], данный подход так же был подтвержден в деле *Tadic*[45,para.76]. Теодор Мерон, до своего присоединения к трибуналу, также призывал отбросить формальный подход к определению критерия принадлежности лица в связи с изменившимся характером конфликтов, которые все более носят не конвенциональный характер[53,р.232]. Однако, он выдвигал несколько иной критерий и призывал обеспечить права по ЖК 4 любым лицам, оказавшимся в руках сторон конфликта[54,р.1516-1517].

Однако, Апелляционная палата постановила, что «Юридический подход, который зиждется на чем то большем, чем формальные связи важен в современных вооруженных конфликтах. В то время как в прошлом подавляющая масса конфликтов происходила между всеми признанными государствами, сегодняшние конфликты, в частности конфликт в Югославии происходят между государствами, которые не только появились незадолго до конфликта, но и более того, появляются во время его и в такой ситуации, не узы гражданства, а этническая принадлежность может служить лучшим критерием для определения принадлежности (*allegiance*). В связи с этим, требования гражданства для определения покровительствуемых лиц в соответствии с Конвенцией выглядят неадекватно. В этой ситуации не столько сам текст Конвенции или подготовительные документы, но смысл и цель Конвенции являются необходимым тестом»[45,para.166].

Данное решение также было подтверждено в деле *Blaskic*, что в ситуации этнического конфликта этническая принадлежность лица может служить достаточным основанием для получения статуса по ЖК 4[46,para.127]. Более того, Апелляционная палата заявила, что «статья 4 по своей сути в сегодняшней ситуации является анахронизмом», но современное положение международного права не препятствует толкованию данного положения в соответствии с духом времени и целями самой Конвенции[46,para.181]. Данная интерпретация и в дальнейшем использовалась Судом, в частности в деле *Aleksovsik*[47,para.151-152]. Ряд авторов утверждают, что это по сути дела замаскированное судебное правотворчество[6,р.131].

Данный подход был подтвержден трибуналом по Кабмодже[18,para.419]. И в последствии был заимствован Международным уголовным Судом, хотя изначально авторы статута не хотели включать данное положение в статут и, тем самым, хотели дать суду самому избрать необходимый подход[55,р.779]. Суд в тоже время не заставил себя долго ждать и подтвердил данный подход в деле *Lubanga*[52,para.277-280]. Таким образом, даже евреи с германским гражданством, которые бежали от преследований на территорию Франции, после вступления Франции в войну и ее оккупации становятся покровительствуемыми лицами в смысле ЖК 4[42,para.164]. И хотя, некоторые авторы как отмечает Дарси считают, что если страна ратифицировала ДП I, то все лица, которые не являются комбатантами является гражданскими лицами, однако, они могут при этом не являться покровительствуемыми в соответствии с ЖК 4[14,р.122].

Т.е. в случае признания конфликта на юго-востоке Украины международным вооруженным конфликтом, Украина должна будет предоставить большей части населения Донецкой и Луганской областей статус покровительствуемых лиц, если они определяют свою принадлежность не как украинскую, что в свою очередь ограничивает полномочия украинского правительства в отношении данных лиц.

Также необходимо добавить, что несмотря на то, что если требования, изложенные в деле Tadic, и будут выполнены, как отметил Международный Суд, этот тест не имеет ни малейшего отношения к вопросу о государственной ответственности, а значит, несмотря на то, что юридически, конфликт будет квалифицироваться в качестве международного, у Украинской стороны не будет права использовать силу для самообороны в соответствии со статьей 51 Устава ООН, так как не будет удовлетворять критерий эффективного контроля, необходимый для признания вооруженного нападения.

Сецессия Крыма.

Сецессия Крыма стала одними из основных спорных тем в академической среде практически сразу же, после объявления о независимости. Так российские авторы традиционно видят сецессию Крыма в качестве законной[90,с.90-92], основываясь на том предположении, что государственный переворот в Киеве в своем роде лишил Украину государственности[83,с.11-28][91,с.40-46][88], что в свою очередь поставило часть территорий вне украинской юрисдикции.

Мы не можем согласиться с данной позицией отечественных авторов, так как толкование государственного переворота в Киеве как создание нового государства невозможно, ибо традиционно в международном праве государственный переворот не ведет к созданию нового государства, а лишь к воцарению нового правительства, которое может существовать как совместно со старым правительством, так и отдельно от него, в случае если старое правительство полностью потеряло контроль над территорией государства и не сформировало правительство в изгнании[72,р.7]. Более того, современное международное право уже на протяжении больше 80 лет руководствуется презумпцией сохранения государства в случае переворота, т.е для создания нового государства необходимо специальное заявление[72,р.3-15], как это было с РСФСР в свое время. Однако, такого заявления сделано не было.

Соответственно единственными законными путями с точки зрения международного права является

одностороннее объявление независимости или реализация права на самоопределение народов.

Касаемо вопроса об одностороннем объявлении независимости существуют достаточно жаркие споры[12,р.335], так ряд исследователей считают, что решение Международного Суда по делу *Kosovo*[34,para.403], которое является одним из основных аргументов сторонников одностороннего провозглашения независимости, необходимо считать как нечто имеющее характер *sui generis*[15,р.45-67]. Данная позиция вряд ли может быть воспринята в качестве корректной, так как справедливо отмечено в решении Суда, практика государств не содержит таких положений, которые бы ставили право на одностороннее провозглашение независимости от реализации права на самоопределение или нет. Некоторые, как например Деллахунти, идут так далеко, что даже провозглашают независимость Косово незаконной, что на наш взгляд является скорее политическим ходом.

Соответственно, если одностороннее провозглашение независимости является законным, то является ли оно законным при любых обстоятельствах? Нет, так в случае, если органы государственной власти, территории, которая провозгласила независимость, является де-факто органом другого государства, то ее действие будет атрибутировано этому государству. Исходя из этого, необходимо рассмотреть вопрос о том, могут ли действия Правительства Республики Крым быть атрибутированы Российской Федерации по указанным выше стандартам.

Так, для того, что бы действия правительства Республики Крым, которые непосредственно принимали акт о независимости, ибо лишь он имеет международное юридическое значение, в отличие от референдума, который лишь обязывал соответствующие органы Крыма издать необходимый акт, были атрибутированы Российской Федерации, они должны находиться под эффективным контролем со стороны РФ. Достоверных данных, относительно данного вопроса в настоящий момент не имеется, однако некоторые обстоятельства дают основания предположить, что Госсовет Республики Крым во время принятия декларации о независимости находился под таким контролем[87], так в частности это обосновывается фактом признания участия российских военнослужащих в обеспечении безопасности референдума и органов власти Республики[26]. А также фактом участия военнослужащих Черноморского флота, которое было подтверждено Адмиралом Касатоновы в

официальном интервью[28]. Также участие российских войск и прямое участие Президента РФ при принятии решения о провозглашении независимости Крыма, которое было упомянуто Президентом Путиным в официальном фильме о возвращении Крыма в состав Российской Федерации[87,с.14][31], дают повод для подобных предположений. Однако, при этом необходимо учитывать, что Правительство Республики Крым попросило Российскую Федерацию о введении военных сил для защиты от возможной агрессии со стороны Украины[75]. Необходимо правда отметить, что данный вопрос является весьма деликатным, ибо Российская Федерация на протяжении определенного периода времени не признавала нового правительства Украины, тем самым имея дело лишь с де-факто правительством Украины и де-факто правительством Крыма, что формально дает полномочия на то, чтобы считать правительство Республики Крым легальной властью, однако большая часть западных ученых не разделяют данную позицию, настаивая на континуитете нового правительства и его автоматической легитимности ввиду самоустранения предыдущего правительства и отсутствия правительства в изгнании[7]. Хотя мы и солидаризируемся с западными коллегами по вопросу континуитета, мы должны заметить, что вопрос признания правительства, как и признания государств является политическим вопросом, что в свое время было отражено в решении Суда по делу *Kosovo*.

Касаемо вопроса об реализации права на самоопределение, необходимо отметить, что традиционно в юридической науке оно рассматривается весьма ограничено, так Юридический Комитет Лиги Нации, в свое время по вопросу о сецессии Ааландских островов от Финляндии заявила: «в отсутствие прямого упоминания в международных договорах, право на распоряжение свое территорией есть неотъемлемое право суверенного государства. Позитивное международное право не признает право этнических, религиозных или иных групп на отделение от государства или право иных государств требовать такое»[65].

Относительно же недавнего рассмотрения вопроса о праве на самоопределение верховный суд Канады в деле о независимости Квебека, постановил, что «хотя право на самоопределение сегодня широко признано в международном праве... оно должно быть выражаемо в рамках уже существующих государств и не нарушать территориальную целостность государства». Таким образом, никакого отдельного порядка для сецессии в международном праве для самоопределяющихся

народов не существует[67,р.259] и они должны либо самоопределяться в рамках уже существующих государств, либо следовать примеру Косово. Хотя ряд авторов и причисляют Косово к случая самоопределения, обосновывая его особенностью тем фактом, что косовары подвергались этническим чисткам со стороны сербов[15,р.50], другие говорят о таком же праве народа Юго-востока Украины[8,р.33-57], однако в тоже самое время необходимо отметить, что указанные обстоятельства не нашли отражения в деле и более того, не были привлечены ни одной стороной в качестве аргументов, что свидетельствует об их неважности для разрешения вопроса об односторонней сецессии.

Единственное отличие, которое самоопределение способно оказать на квалификацию событий, это то, что в принципе даже факт эффективного контроля над Правительством Республики Крым и военная интервенция, на территорию Украины в случае если Правительство Республики Крым не будет признано законным правительством при запросе об интервенции, может не быть квалифицировано как акт агрессии, в связи с позицией СССР к «Определению Агрессии», в соответствии с которой военная интервенция для защиты самоопределения народа не является агрессией[56]. Однако маловероятно, что эта позиция будет поддержана мировым сообществом.

Использование вооруженных сил на территории республики Крым имеет важное значение для установления правомерности их использования и возможной квалификации действий как акта агрессии. Вопрос о запросе правительства Крыма о военной помощи со стороны РФ уже был рассмотрен нами выше. Здесь же мы планируем рассмотреть вопрос о том, равнялось ли нарушение соглашения о статусе Черноморского флота акту агрессии со стороны РФ, а также может ли Российская Федерация использовать в качестве оправдания для экстерриториального использования силы такие оправдания как защита сограждан и соотечественников. Разумеется, указанные выше вопросы рассматриваются при условии признания правительства республики Крым, как не правомочным на приглашение вооруженных сил иного государства.

В случае с использованием сил Черноморского Флота на территории Крыма, ответ является достаточно однозначным. Так статья 3(e) Определения Агрессии гласит, что использование вооруженных сил, которые находятся на территории иного государства в противоречии с соглашением о статусе таких сил,

равняется акту агрессии. Однако, не все так просто, так изначальный проект содержал понятие «запрещенное использование», который должен был указывает на субъективную сторону использования вооруженных сил[74]. Ибо случаи скажем потери военнослужащих на учении и т.д. акта агрессии не составляют. Значение обстоятельств дела и субъективного элемента также были подтверждены в деле *Nicaragua*[37,para.231].

Таким образом, лишь то нарушение соглашения о статусе сил, которое является существенным[70.], может являться основанием для квалификации акта как агрессии. Венская конвенция о международных договорах определяет существенное нарушение как такое нарушение, которое несовместимо с целью соглашения(статья 60(3)(б)). Если мы посмотрим на соглашение о статусе Черноморского флота[89], то мы увидим, что статья 6(1) соглашения запрещает вооруженным силам, дислоцированным на территории Украины вмешиваться в ее внутренние дела, более того, соглашение также обязывает соблюдать законодательство и суверенитет Украины. Статьи 8(4) и 15(5) требуют согласия украинских властей на перемещения вооруженных сил. Т.е. в случае, описанном нами выше, действие военнослужащих черноморского флота будет являться актом агрессии.

Возможные меры юридической защиты

Так как фактическое произошедшее во время украинского кризиса на сегодняшний день остается важным политическим вопросом, а посему далеко не все обстоятельства известны на сегодняшний день из политических соображений, мы считаем необходимым разобрать самый экстремальный вариант, в соответствии с которым интервенция российских войск на территорию Украины признается незаконной, как и сецессия Крыма. В данной части статьи мы попытаемся разобрать возможные меры защиты, которая Украина может использовать в современной системе международного права.

Конечно, наиболее простым методом защиты было бы вооруженное нападение, с целью самообороны и восстановления территориальной целостности, однако ввиду слабости Украинской армии[20], такая мера самозащиты в соответствии со статьей 51 Устава ООН маловероятна. Если же рассматривать варианты коллективной самообороны, то можно прийти к тому же печальному выводу, Украина не является частью военного альянса любого рода. Если рассматривать в каче-

стве такого Будапештский меморандум, то необходимо отметить, что указанный меморандум по сути дела, является договором, которым Украина присоединяется к Договору о нераспространении ядерного оружия, однако, указанный договор подлежит ратификации, а значит и любой дополнительный договор к нему, в том числе присоединения тоже, что было подтверждено в ходе дискуссии Обзорной конференции по выполнению Договора о нераспространении ядерного оружия[24]. Указанное условие не было выполнено ни одной из сторон и соответственно он не является юридически обязывающим. Такого же мнения придерживается Госдепартамент США[27]. Российская Федерация основывает свое мнение о необязательности меморандума на том же аргументе о госперевороте[29].

Если рассматривать вариант защиты с использование механизмов ООН, то необходимо признать, что лишь акты Совета безопасности ООН имеют обязательную силу и Россия ввиду того, что она является постоянным членом указанного совета, заблокирует любое решение. Что приводит некоторых западных ученых к необходимости переформатировать Совбез таким образом, что бы он включал в себя лишь либеральные демократии[82].

Рассматривая вариант с иском в Международный суд ООН необходимо отметить, что он может принимать к рассмотрению лишь те дела, в отношении которых обе стороны согласились на его юрисдикцию. Что маловероятно. Соответственно единственной возможностью для Украины подать иск против Российской Федерации это вывести нарушение из уже существующего договора, который предусматривает обязательную подсудность в Суде(статья 36(1) Статута). Что достаточно сложно, так как страны в целом стараются избегать таких оговорок[81,p.13]. Конечно в случае с агрессией, мало какой договор может содержать положен о подсудности подобных дел, в место этого государства стремятся максимально широко толковать те положения, которые могут привести к необходимому результату. Так в деле *Oil Platform*[9] Иран основал обязательную юрисдикцию на основе Договора о дружбе, торговле и навигации[9,para.21], который содержал положения о защите.

Насколько нам известно, Российская Федерация не имеет договоров, со сходными положениями с Украиной и с другими государствами постсоветского пространства. Так в свое время после кризиса 2008 года Грузия пыталась обосновать юрисдикцию Суда на основе Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Так статья 22 Конвенции гово-

рила о подсудности Суду всех споров, которые не были разрешены переговорами. Суд отверг заявление Грузии на том основании, что она не пыталась решить спор переговорами до начала конфликта, что необходимо признать было весьма формалистично, но подчеркивает нежелание Суда заходить слишком далеко в толковании положений об обязательной подсудности[15,р.58]. Однако, даже если Украина и получит доступ к юрисдикции Суда, Российская Федерация может просто не исполнить его решение, так как механизм принудительного исполнения задействует Совбез ООН, в котором РФ имеет право вето.

Единственный вариант, с помощью которого можно получить решение Суда вне указанной процедуры это консультативные заключения, однако Украина не может получить его по своему запросу, для этого ей необходимо будет убедить большую часть Генеральной ассамблеи, но даже после этого, остается вопрос с исполнением заключения, так как оно не юридически обязательно.

Последним вариантом привлечения Российской Федерации к международной ответственности через международно-правовые механизмы является заявление в ЕСПЧ по вопросу нарушения прав на оккупированной территории. Как в деле *Cyprus v. Turkey*[18], однако, в отличие от ситуации на Кипре, где имел место конфликт между этническими греками и турками, в Крыму население преимущественно гомогенно и массовых исчезновений, казней или похищений отмечено не было. Но даже если бы и были, данный механизм не слишком эффективен, ибо лишь в 2001 ЕСПЧ вынес решение по вторжению, которое случилось 40 лет назад и более того, Турецкие власти официально отказываются делать хоть какие-либо выплаты уже 14 лет[15,р.59].

Еще одним и последним вариантом защиты было бы инициирование уголовного преследования против ряда должностных лиц Российской Федерации. Однако оно также столкнется с рядом неразрешимых проблем. Так если рассматривать юрисдикцию Международного уголовного суда, то необходимо будет признать, что Россия не является стороной статута, а поправка, признающая преступление агрессии подсудной Суду, все еще не ратифицирована достаточным количеством стран. Вопрос же о привлечении Российских должностных лиц, как не члена статута к ответственности через механизм Совбеза, как в деле *Al Bashir*[62] не реалистичен по приведенным выше причинам.

Библиография:

1. Amnesty international, Ukraine: Mounting evidence of war crimes and Russian involvement. <https://www.amnesty.org/en/press-releases/2014/09/ukraine-mounting-evidence-war-crimes-and-russian-involvement/>;

Вопрос о привлечении к ответственности указанных должностных лиц на территории иных стран в национальных судах наталкивается на два препятствия.

1. Отсутствие в уголовных законах большинства стран преступления агрессии, которое, несмотря на явную его противоправность в международном праве, все равно должно быть закреплено в законе соответствующего государства. Более того, подавляющая часть государств с неохотой используют универсальную юрисдикцию, если вообще закрепили ее в своем законодательстве[17,р.146].
2. Второй проблемой является иммунитет главы государства или любого другого чиновника высокого ранга (министра иностранных дел, премьер-министра, министра обороны и т.д), которым может располагать привлекаемое лицо. Так доктрина иммунитета указанных лиц является частью обычного международного права, что было подтверждено Судом ООН в деле *Congo v. Belgium*[3,para.54-55], ЕСПЧ в деле *Jones v. UK*[51], а также французским судом в деле Кадаффи[4].

Даже если предполагать, что Украина захочет начать преследование после ухода указанных должностных лиц с поста, она столкнется с той же самой проблемой, так как традиционно иммунитет распространяется также на бывших должностных лиц, в отношении их деяний, которые они совершили в рамках своей деятельности. Что было подтверждено Палатой Лордов деле Пиночета[64] и Парижским судом в отношении бывшего Министра обороны США Рамсфилда[11], так прокурор заявил «что согласно обычному международному праву иммунитет главы государства, а также иных высших должностных лиц, не прекращается после их ухода с должности в отношении тех дел, которые были совершены ими в рамках своих полномочий»[11]

Лишь очень не большое количество стран допускают уголовное преследование бывших должностных лиц высокого ранга, так например Испания издала ордера на арест ряда Центрально Американских диктаторов, в частности Риоса Монтта[19].

Таким образом, мы можем заключить, что как бы не сложились фактические обстоятельства дела, международно-правовые механизмы в текущей системе международного права не представляют Украине существенной защиты даже при самом экстраемальном варианте.

2. Arai-Takahashi Y. Disentangling Legal Quagmires: The Legal Characterization of the Armed Conflicts in Afganistan since 6/7 October 2001 and Question of Prisoner of War Status // *Yearbook of International Humanitarian Law*.2002.
3. Arrest Warrant Case of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium), [2002] ICJ Reports 3
4. Arrêt relative aux poursuites engagées contre le colonel Kadhaffi, Cour de Cassation (March 13, 2001), Arrêt no.1414.
5. Aust H. The Normative Environment for Peace-On the Contribution of the ILC's Articles on State Responsibility in: Nolte G. (ed.), *Peace through International Law: The Role of the International Law Commission*, Heidelberg. 2009
6. Boisson de Chazournes and Heathcote, *The Role of the International Adjudicator*// ASIL Proceedings.2001
7. Borgen C. Who Speaks for Ukraine? // *Opinio Juris* 2014, №3. <http://opiniojuris.org/2014/03/03/who-speaks-for-ukraine>
8. Burke J., Panina-Burke S. Eastern and Southern Ukraines Right to Secede and Join Russian federation // *Russian law journal*. 2015. №1.
9. Case concerning Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America) (Oil Platforms case) , Judgment of 6 Nov. 2003, [2003] ICJ Rep 161
10. Cassese A. *International Law*. Oxford.2005.
11. Center for Constitutional Rights, France in Violation of Law Grants Donald Rumsfeld Immunity,Dismisses Torture Complaint, <http://www.ccrjustice.org/newsroom/press-releases/france-violation-law-grants-donaldrumsfeld-immunity,-dismisses-torture-comp>.
12. Crawford J. *Creation of states in International law*. Oxford.2006.
13. Dalton J. What is War? Terrorism as War After 9/11 // *Journal of International and Comparative Law*.2006.vol.12.
14. Darcy S. *Judges, Law and War : The Juducial Development of International Humanitarian Law*.Cambridge. 2014.
15. Delahunty R. *The Crimean Crisis*. University of St Thomas of Law and Public Policy journal.2014.№ 6
16. Diplomatic Conference 1949, Final Record,Vol.2-B
17. Donovan D., Roberts A. The Emerging Recognition of Universal Civil Jurisdiction// *American Journal of International law*. 2006. vol.100.
18. European Court of Human Rights No. 257891/94 (Grand Chamber) (May 12, 2014), Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia, Case File/Dossier N. 001/18-07-2007/ECCC/TC. Trial Chamber, Judgment, 26 July, 2010
19. Foakes J. *Immunity for International Crimes*. Chatham House. http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/International%20Law/bp1111_foakes.pdf
20. George Friedman, Stratfor, U.S. Has Unfinished Business in Ukraine & Iraq (June 24, 2014),
21. Groll E. What would Russian troops do once they cross the Ukranian border // *Foreign Policy*, 2014, april.
22. Guiora A. Targeted Killing as Active Self-Defense // *Case Western Reserve Journal of International Law*.2004.vol.36
23. <http://armamentresearch.com/Uploads/Research%20>
24. <http://forbes.ua/nation/1366750-vladimir-ryabcev-ot-norm-budapeshtskogo-memoranduma-rossiya-otstupila-eshche-v-2003-godu>
25. [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-144151#{"itemid":\["001-144151"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-144151#{).
26. <http://kremlin.ru/events/president/news/20366>
27. http://minsk.usembassy.gov/budapest_memorandum.html
28. <http://ria.ru/interview/20150313/1052368767.html>
29. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newline/09AFA7C4298D6E2944257CA6003D91C9
30. http://www.realclearworld.com/articles/2014/06/24/the_us_has_unfinished_business_in_ukraine_and_ira
31. 31. <http://www.youtube.com/watch?v=t42-71RpRgI>
32. Human Rights Watch, Восточная Украина: вопросы международного гуманитарного права. <https://www.hrw.org/ru/news/2014/07/01/vostochnaya-ukraina-voprosy-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava> ; ICRC, Ukraine: ICRC calls on all sides to respect international humanitarian law. <https://www.icrc.org/eng/resources/documents/news-release/2014/07-23-ukraine-kiev-call-respect-ihl-repatriate-bodies-malaysian-airlines.htm>
33. IACiHR, Abella (La Tablada) Case, para. 155
34. ICJ, Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo. Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2010
35. ICJ, Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro, Judgment of February 26, 2007
36. ICJ, Corfu Channel, Merits, Judgment of April 9, 1949, I.C.J. Reports 1949, pp.18; Jennings R., Watts A. (eds.), *Oppenheim's International Law*, Vol. I (Peace), 9
37. ICJ, Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua, Nicaragua v. United States of America, Judgment (Merits) of June 27, 1986, I.C.J. Reports 1986
38. ICJ, United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, United States of America v. Iran, Merits, Judgment of May 24, 1980, I.C.J. Reports 1980,
39. ICRC, Report Institute of International Humanitarian Law/ICRC-Roundtable.2003.
40. ICTR, Akayesu Case (Judgment of 2 September 1998)-ICTR-96-4
41. ICTY, Prosecutor v. Dario Kordic and Mario Cerkez, Case No. IT-95-14/2 ("Lasva Valley"), Judgment of February 26, 2001
42. ICTY, Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A, Judgment (Merits Appeal) of July 15, 1999, reprinted in: 124 Intl L.R. (2003)
43. ICTY, Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A, Judgment of May 7, 1997, reprinted in: 112 Int'l L.R. (1999)
44. ICTY, Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A, Judgment of May 7, 1997, reprinted in: 112 Int'l L.R. (1999), Separate and Dissenting Opinion of Judge McDonald regarding the Applicability of Article 2 of the Statute, reprinted in: 112 Intl L.R. (1999)

45. ICTY, Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-AR72, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on jurisdiction of October 2, 1995, reprinted in: 105 Int'l L.R. (1997)
46. ICTY, Prosecutor v. Tihomir Blaskic, Case No. IT-95-14-T, ("Lasva Valley"), Judgment of March 3, 2000, reprinted in: 122 Intl L.R. (2002),
47. ICTY, Prosecutor v. Aleksovski, Appeal Chamber, ICTY IT-95-14/1, judgment, 24 march 2000
48. ICTY, Prosecutor v. Delalic, Trial Chamber, judgment, IT-02-60, 1998;
49. ICTY, Prosecutor v. Blaškić, , Case no IT-95-14-A.), 31st October, 2003, Appeals Chamber
50. ICTY, Prosecutor v. Delalić et al., IT-96-21-A Appeals Chamber, Judgement, 20 February 2001
51. Jones v. UK, European Court of Human Rights, Nos. 34356/06 and 40528/06 (Jan. 14, 2014), [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?appno={\"appno\":\[\"34356/06\"\],\"itemid\":\[\"001-140005\"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?appno={\).
52. ICC, The Prosecutor v. Lubanga, ICC-01/04-01/06-803, Pre-Trial Chamber I (Jan. 29, 2007)
53. Meron T. Classification of Armed Conflicts in Former Yugoslavia: Nicaragua Fallout // American Journal of International Law. 1998. vol.92.
54. Meron T. The Hague Tribunal: Working to Clarify International Humanitarian Law. // American university law review. 1998. vol.13.
55. Moir L. Grave Breaches and Internal Armed Conflicts // Journal of International Criminal Justice. 2009.#7.vol.763.
56. Official Records of the General Assembly, Twenty-Fourth Session, Supplement No. 20 (A/7620), Report of Special Committee, 24 February to 3 April 1969,
57. Ohlin D. Control Matters: Ukraine & Russia and the Downing of Flight 17 Opinio Juris. 2014, July. <http://opiniojuris.org/2014/07/23/control-matters-ukraine-russia-downing-flight-17/>
58. Organization for Cooperation and Security in Europe, SMM Ukraine Crisis Report, March 2014.
59. Otto R. Targeted Killing and International Law. Springer. 2010.
60. PACE, The Humanitarian situation in Ukraine. 16 December 2014. <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewPDF.asp?FileID=21335&lang=en>
61. Patel King F., Swaak-Goldman O. The Applicability of International Humanitarian Law to the "War against Terrorism" // Hague Yearbook of International Law. 2003.
62. Prosecutor vs. Omar Hassan Ahmad Al Bashir [Warrant of Arrest], [March 4, 2009], ICC-02/05-01/09, <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc639078.pdfq.html>.
63. Quenivet N. The Application of International Humanitarian Law to Situations of (counter)-Terrorist nature in Arnold R., Hildbrand P. (eds) International Humanitarian Law and the 21th Century Conflicts: Changes and Challenges. Lausanne. 2005.
64. Regina v. Bow Street Magistrates Court ex parte Pinochet, No. 3 [2000] AC 147, <http://www.parliament.thestationery-office.co.uk/pa/ld199899/ldjudgmt/jd990324/pinol.htm>.
65. Report of the International Commission of Jurist. 1920. LNOJ Spec. Supp. 3,5
66. Rowe P. Responses to Terror: The new "War" // Melbourne Journal of International Law. 2002. vol.3.
67. Rubin A. Secession and Sels-Determination: A Legal, Moral, and Political Analysis // Stanford journal of International law. 2000. Vol.36
68. Ruys T., Verhoeven S. Attacks by Private Actors and the Right of Self-Defence // Journal of Conflict and Security Law. 2005. vol.10.
69. Sandoz Y., Swinarski C., Zimmerman B. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. Geneva. 1987.
70. Sari A. Ukraine Insta-Symposium: When does the Breach of a Status of Forces Agreement amount to an Act of Aggression? The Case of Ukraine and the Black Sea Fleet SOFA Opinio Juris. March. 2015
71. Statman D. Targeted Killing // Theoretical inquiries in Law. 2004. vol.5.P.197
72. Talmon S. Recognition of government in international law: with particular reference to governments in exile. Oxford. 1998.
73. UK Royal United Services Institute, Russian Forces in Ukraine, March 2015;
74. UN Docs. A7620
75. UN Docs. S/PV.7124
76. UN General Assembly, ILC, First Report on State Responsibility-Addendum 5 (by Special Rapporteur James Crawford), UN Doc. A/CN.4/490/Add.5 (July 22, 1998), pp. 42-44 (paras. 283-284).
77. US Department of defence, Russian Actions Bring Europe to Decisive Point. <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=122576>
78. Us Department of state, Russia's Continuing Support for Armed Separatists in Ukraine and Ukraine's Efforts Toward Peace, Unity, and Stability-<http://blogs.state.gov/stories/2014/07/14/russias-continuing-support-armed-separatists-ukraine-and-ukraines-efforts-toward#sthash.3UGo2QLY.dpuf>;
79. Van den Hole L. Towards a Test of the International Character of an Armed Conflict: Nicaragua and Tadic // Syracuse Journal of International Law and Commerce .2005.vol.32, pp. 276
80. Voneky S. Die Anwendbarkeit des humanitaren Volkerrechts auf terroristische Akre and ihre Bekampfung in Fleck D. (ed.), Rechtsfragen der Terrorismusbekampfung durch Streitkrafte, Baden-Baden .2004, pp. 151
81. Yasuaki O. Is the International Court of Justice an Emperor Without Clothes?// International Legal Theory .2002. vol.8.P.13
82. Yoo J. // Oxford university Press Blog. May 2014. <http://blog.oup.com/2014/05/ukraine-un-system-international-law-failure-pil>
83. Воронин Е. Р., Кулебякин В. Н., Николаев А. В. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г.: международно-правовые оценки и последствия // Московский журнал международного права. 2015 №1, сс.11-28;

84. Гнатовский Н.Н. Гуманитарное право в международных судебных учреждениях: опасна ли институциональная фрагментация? // *Международное правосудие*.2012.№1 с.84
85. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом ООН. GA res. 2625, Annex, 25 UN GAOR, Supp. (n.28), UN Doc. A5217,
86. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Гражданская война в Украине: международное право и уголовная ответственность индивидов за совершение международных преступлений // *Московский журнал международного права*. 2014.№4, сс.16-30;
87. Открытая Россия. Путин-Война. <https://openrussia.org/post/view/4803>
88. Сазонова К.Л. Международное право и украинский конфликт: что было, что будет, чем сердце успокоится. // *Международное право*. – 2014. – №1. DOI: 10.7256/2306-9899.2014.1.11666
89. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины Бюллетень международных договоров. 1999. N 10. С. 74 – 80
90. Толкачев К.Б. «Крымский вопрос» и современное право: к дискуссии о легитимности референдума // *Евразийский юридический журнал*. 2014, № 5.С. 90-92
91. Толстых В.Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // *Евразийский юридический журнал*. 2014, № 5. С. 40-46;
92. Киселев В.А., Воробьев И.Н. Гибридные операции как новый вид военного противоборства // *Военная мысль*. 2015. №5. С.41-48

References (transliterated):

1. Arai-Takahashi Y. Disentangling Legal Quagmires: The Legal Characterization of the Armed Conflicts in Afganistan since 6/7 October 2001 and Question of Prisoner of War Status // *Yearbook of International Humanitarian Law*.2002.
2. Aust H. The Normative Environment for Peace-On the Contribution of the ILC’s Articles on State Responsibility in: Nolte G. (ed.), *Peace through International Law: The Role of the International Law Commission*, Heidelberg. 2009
3. Borgen C. Who Speaks for Ukraine? // *Opinio Juris* 2014, №3. <http://opiniojuris.org/2014/03/03/who-speaks-for-ukraine>
4. Burke J., Panina-Burke S. Eastern and Southern Ukraines Right to Secede and Join Russian federation // *Russian law journal*. 2015. №1.
5. Cassese A. *International Law*. Oxford.2005.
6. Crawford J. *Creation of states in International law*. Oxford.2006.
7. Dalton J. What is War? Terrorism as War After 9/11 // *Journal of International and Comparative Law*.2006.vol.12.
8. Darcy S. *Judges, Law and War : The Juducial Development of International Humanitarian Law*.Cambridge. 2014.
9. Delahunty R. *The Crimean Crisis*. University of St Thomas of Law and Public Policy journal.2014.№ 6
10. Donovan D., Roberts A. The Emerging Recognition of Universal Civil Jurisdiction// *American Journal of International law*. 2006. vol.100.
11. Foakes J. *Immunity for International Crimes*. Chatham House. http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/International%20Law/bp1111_foakes.pdf
12. George Friedman, Stratfor, U.S. Has Unfinished Business in Ukraine & Iraq (June 24, 2014),
13. Groll E. What would Russian troops do once they cross the Ukranian border // *Foreign Policy*, 2014, april.
14. Guiora A. Targeted Killing as Active Self-Defense // *Case Western Reserve Journal of International Law*.2004.vol.36
15. Meron T. Classification of Armed Conflicts in Former Yugoslavia: Nicaragua Fallout // *Amercan Journal of International Law*. 1998. vol.92.
16. Meron T. The Hague Tribunal: Working to Clarify International Humanitarian Law. // *American university law review*.1998.vol.13.
17. Moir L. Grave Breaches and Internal Armed Conflicts // *Journal of International Criminal Justice*.2009.#7.vol.763.
18. Ohlin D. Control Matters: Ukraine & Russia and the Downing of Flight 17 *Opinio Juris*. 2014, July. <http://opiniojuris.org/2014/07/23/control-matters-ukraine-russia-downing-flight-17/>
19. Otto R. *Targeted Killing and International Law*.Springer.2010.
20. Patel King F., Swaak-Goldman O. The Applicability of International Humanitarian Law to the “War against Terrorism” // *Hague Yearbook of International Law*.2003.
21. Quenivet N. The Application of International Humanitarian Law to Situations of (counter) – Terrorist nature in Arnold R., Hildbrand P. (eds) *International Humanitarian Law and the 21th Century Conflicts: Changes and Challenges*. Lausanne.2005.
22. Regina v. Bow Street Magistrates Court ex parte Pinochet, No. 3 [2000] AC 147,<http://www.parliament.thestationery-office.co.uk/pa/ld199899/ldjudgmt/jd990324/pinol.htm>.
23. Rowe P. Responses to Terror: The new “War” // *Melbourne Journal of International Law*.2002.vol.3.
24. Rubin A. Secession and Sels-Determination: A Legal, Moral, and Political Analysis // *Stanford journal of International law*. 2000. Vol.36
25. Ruys T., Verhoeven S. Attacks by Private Actors and the Right of Self-Defence // *Journal of Conflict and Security Law*.2005.vol.10.
26. Sandoz Y., Swinarski C., Zimmerman B. Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949.Geneva.1987.

27. Sari A. Ukraine Insta-Symposium: When does the Breach of a Status of Forces Agreement amount to an Act of Aggression? The Case of Ukraine and the Black Sea Fleet SOFA *Opinio Juris*. March. 2015
28. Statman D. Targeted Killing // *Theoretical inquiries in Law*.2004.vol.5.P.197
29. Talmon S. Recognition of government in international law: with particular reference to governments in exile. Oxford. 1998.
30. Van den Hole L. Towards a Test of the International Character of an Armed Conflict: Nicaragua and Tadic // *Syracuse Journal of International Law and Commerce* .2005.vol.32, pp. 276
31. Voneky S. Die Anwendbarkeit des humanitaren Volkerrechts auf terroristische Akte and ihre Bekampfung in Fleck D. (ed.), *Rechtsfragen der Terrorismusbekampfung durch Streitkrafte*, Baden-Baden .2004, pp. 151
32. Yasuaki O. Is the International Court of Justice an Emperor Without Clothes?// *International Legal Theory* .2002. vol.8.P.13
33. Yoo J. // Oxford university Press Blog. May 2014. <http://blog.oup.com/2014/05/ukraine-un-system-international-law-failure-pil>
34. Voronin E. R., Kulebyakin V. N., Nikolaev A. V. Gosudarstvennyi perevorot v Kieve v fevrale 2014 g.: mezhdunarodno-pravovye otsenki i posledstviya // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2015 №1, ss.11-28;
35. Gnatovskii N.N. Gumanitarnoe pravo v mezhdunarodnykh sudebnykh uchrezhdeniyakh: opasna li institutsional'naya fragmentatsiya? // *Mezhdunarodnoe pravosudie*.2012.№1 s.84
36. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. Grazhdanskaya voina v Ukraine: mezhdunarodnoe pravo i ugolovnaya otvetstvennost' individov za sovershenie mezhdunarodnykh prestuplenii // *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2014.№4, ss.16-30;
37. Sazonova K.L. Mezhdunarodnoe pravo i ukrainskii konflikt: chto bylo, chto budet, chem serdtse uspokoit'sya. // *Mezhdunarodnoe pravo*. – 2014. – №1. DOI: 10.7256/2306-9899.2014.1.11666
38. Tolkachev K.B. “Krymskii vopros” i sovremennoe pravo: k diskussii o legitimnosti referendum // *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2014, № 5.S. 90-92
39. Tolstykh V.L. Vossoedinenie Kryma s Rossiei: pravovye kvalifikatsii // *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2014, № 5. S. 40-46;
40. Kiselev V.A., Vorob'ev I.N. Gibridnye operatsii kak novyi vid voennogo protivoborstva // *Voennaya mysl'*. 2015. №5. S.41-48